

Серая мгла была наполнена мертвой безысходностью. Высокие фигуры в черных, изорванных плащах бродили по острову, охраняя старый замок, скрытый в его центре. Со временем замок пришел в полное запустение: покрытые черным мхом каменные стены, словно уставшие руки, тянулись из земли, между грехом и смертью, борясь за свое существование. Лу Пин, бледный как полотно, сдерживая дыхание, осторожно ступал по черным каменным плитам и направлялся в самую глубину темницы. Здесь, в холодной и мертвой тишине, он наткнулся не на заключенного, а на огромную черную собаку, лежащую в клетке. Чувственное восприятие позволило псу уловить движение за железными решетками. Он открыл свои свирепые глаза. Увидев Лу Пина, они снова обрели спокойствие. Черная собака мгновенно преобразилась в высокого, крепкого мужчину с светлой кожей и яркими серыми глазами. — В этот раз ты слишком быстро пришел, — произнес Сириус, как будто между делом. Не казалось, что его тревожили Дементора; он не испытывал ни печали, ни отчаяния, лишь бурное волнение и беспокойство. Лу Пин, напротив, выглядел изможденным. Его бледное лицо говорило о том, что он израсходовал слишком много сил. Дыхание его стало быстрым и неравномерным, а руки одеревенели от судорог. — Я не мог поступить иначе. Я только что покинул пещеру после полного луния. Снаружи пришло много новостей, и я должен рассказать тебе о различных делах на острове. Если бы не неуместный момент, я бы навестил тебя еще вчера... Сириус присел на желтые соломенные подстилки и с приподнятой бровью посмотрел на друга. — Позволь мне угадать: твой спешный визит — это хорошо или плохо? — Дедало умер в тюрьме. В воздухе повисла мертвая тишина. Слышно было лишь дыхание двух мужчин. Сириус, казавшийся расслабленным, вдруг напрягся. Его серые глаза уставились на Лу Пина, а голос стал напряженным, как будто с трудом выдавливаясь из уст. — Очевидно, в последний раз, когда ты приходил, ты говорил, что он показывает себя очень хорошо! — Да, он действительно был хорош, но тогда он уже психовал, — Лу Пин, явно усталый, не мог сдерживаться. — Он плакал и смеялся, говорил о себе. Он испытывал такую боль, что хотел умереть, но продолжал твердить, что должен держаться, чтобы вернуться домой к матери. — Когда я видел его позавчера, он уже не мог стоять. Я принёс много шоколада и пудинга, которые он любил, но он лежал на полу и не мог даже сесть. Он только всё повторял: хочет увидеть мать... Голос Лу Пина трепетал, и он смог произнести лишь это. Сириус сжал кулаки до белизны, изрыгая свой гнев. — 67! Когда мы сюда пришли, у нас было 67 наших людей в заточении! Теперь, после смерти Дедало, осталось 42! И если посчитать 3 Хестии и других, которые были захвачены позднее! За последние три года эти твари накачали жизнью 28 человек! 28! 28 жизней! В конце концов, он собрал в себе недовольство, будто накрыв кипящую воду крышкой, и с некоторым спокойствием спросил: — Каков текущий прогресс? Лу Пин взял глубокий вдох. — Это вторая новость, которую я пришел тебе сообщить. Есть известия от Дамблдора. Если не произойдут неожиданности, мы сможем начать до июня следующего года. — Придется ждать еще год? — Это оптимальные сроки. По нашим расчетам, все приготовления будут завершены к следующей весне. — Почему нельзя раньше? — Не забывай, что если начать преждевременно, не дождавшись надлежащих обстоятельств, последствия могут быть катастрофическими. — Он посмотрел Сириусу в глаза. — Так много людей полагаются на нас, и мы не можем подвести их. Не дай им ожидать лишь отчаяния. Сириус замер, а Лу Пин только смотрел на серую каменную стену тюрьмы без окон. Остров Азкабан сегодня молчалив, но такая тишина не может длиться вечно... Летние каникулы в Хогвартсе начались. Но для большинства студентов разница между окончанием занятий и отпуском была несущественной. Они уже были бездомными и вынуждены оставаться в карете, даже если уроков не предстояло. Среди новых студентов, которые через два месяца перестанут быть первокурсниками, Рон и Невилл все еще могли вернуться домой, тогда как Джастин и Лавендер были вынуждены провести это лето в карете. Когда они решили, что Джон в таком же положении, в вечерний час третьего дня после финальных экзаменов, когда студенты собрались в столовой на ужин, Дамблдор аккуратно вывел Джона из кареты, и никто не заметил. Их образы изменились до неузнаваемости. Искусство Превращения Дамблдора

достигло таких высот, что звание Мастера Превращения стало далеким от его уровня. Ему не потребовались никакие волшебные зелья: только заклинания, и он полностью изменил вид себя и Джона. Теперь они выглядели как средневозрастные волшебники, не имевшие никаких выдающихся черт, словно лица, которые не заметишь с первого взгляда. Джон, не понимая, смотрел на Дамблдора, когда тот вывел его из кареты на поле.— Профессор, как мы доберемся до места назначения?— Мы воспользуемся Аппарацией, но она не может доставить нас прямо в конечный пункт. Везде, где собираются маги, точки назначения и старта строго контролируются. Нужно дождаться, когда карета уедет подальше, и выбрать место поблизости от цели, — спокойно объяснил он. И добавил с напоминанием:— Не забывай, больше не называй меня профессором. Ты — Джек, а я — Уильямс. Мы братья. Наша мать — маггл, отец — чистокровный, а мы сами наполовину маги. Джон кивнул.— Не переживай, Уильямс. Я всё записал из информации, что ты подготовил в карете. Оценив время, Дамблдор схватил Джона за руку.— Скорее всего, мы не будем использовать это, но подготовка всегда помогает избежать неожиданных ситуаций. — Он произнес заклинание и взмахнул палочкой.— Аппарат! В следующую секунду их фигуры заколебались и исчезли в воздухе. В то же время в заброшенном переулке Лондона вновь встретились «волшебные братья».

<http://tl.rulate.ru/book/81187/4592706>